

Красноярский ученый уверен: бушующие в тайге пожары наглядно высветили проблемы лесного хозяйства

Сибирское лето близится к закату, а солнца на небосводе жителям края и соседних территорий увидеть так и не довелось. И это при небывалой жаре, которой в регионе не было за вековой период наблюдений. Два летних месяца белесые дымы от лесных пожаров, бушующих на севере, востоке и в центре края, тревожно нависают над городами и весями.

Горели и продолжают гореть Красноярский край, Томская область, Республика Тыва, Алтайский край. В нашем регионе дважды за одно лето введен режим чрезвычайной ситуации в связи с тяжелой лесопожарной обстановкой.

Почти каждый день приносит сюрпризы. То число одновременно полыхающих пожаров перевалит за восемь десятков, то люди с трудом вырвались из огненного кольца, то военная авиация включилась в борьбу с огненной стихией, правда, без особых успехов.

Не обходится, к сожалению, без жертв. Трагедия в соседней Тыве, где в лесном пожаре погибли восемь десантников, напомнила, с каким опасным противником приходится вступать в схватку. На днях пришла трагическая весть из Москвы, где в Институте им. Вишневого от полученных ожогов на лесном пожаре скончался доставленный в столицу главный специалист по Ермаковскому району Агентства лесной отрасли края Сергей Струков.

Из Москвы Сибирь не видно

На таком тревожном фоне начался наш разговор с профессором, доктором биологических наук, заведующим лабораторией лесной пирологии Института леса им. В.Н. Сукачева Сибирского отделения РАН Петром Цветковым. Эта лаборатория является единственным специализированным научным подразделением во всей системе Российской академии наук, и большинство исследователей, работающих над проблемами лесных пожаров, входят в ее состав, насчитывающий всего лишь десяток научных сотрудников.

Как истинный ученый, Петр Цветков каждую свою мысль подтверждал цифрами и фактами.

— Лесные пожары — объективная реальность, с учетом которой следует вести лесное хозяйство, — подчеркивает Петр Алексеевич. — Официальные данные свидетельствуют: в России ежегодно возникает от 20 до 40 тысяч пожаров, которые охватывают от двух до трех, а в экстремальные годы — от 10 до 15 миллионов гектаров лесных площадей. Тревогу же вызывает то, что в последнее время едва ли не каждый год можно отнести к рекордным по числу пожаров и наносимому ими ущербу.

Впрочем, если позапрошлый год вошел в историю из-за сгоревшей Центральной части России, то текущий пожароопасный сезон обещает запомниться как катастрофический для Сибири. Только из-за того, что из Москвы Сибирь не видно, об этом говорят и пишут меньше, чем два года назад. Между тем, продолжает ученый, не припоминается такого лета, когда бы горело одновременно столько территорий на всех направлениях. Итоги года подводить рано, но только в июне и только в крае число обнаруженных пожаров перевалило за полторы тысячи — больше, чем за весь прошлый год (1460 очагов), ставший очень трудным для лесного хозяйства региона. По последним, на начало августа, данным космических наблюдений, с начала сезона зафиксировано 2295 возгораний. Но больше всего тревожит сложившаяся тенденция.

Петр Алексеевич показывает график количества лесных пожаров и пройденных ими площадей в нашем крае, на котором столбики год от года упорно лезут вверх. Это особенно заметно за последние десять лет, с началом нового века, принесшего лесному хозяйству России разрушение отработанной системы управления. Точно так же, но еще круче вверх выгибается кривая роста пожаров по Сибири.

Тушат ассигнациями

— Среди причин столь явного ухудшения лесопожарной обстановки в Сибири и России на первое место я бы поставил, мягко говоря, непродуманность реформ управления лесным хозяйством, — рассуждает профессор. — Особенно пагубно отразилось введение в 2007 году нового Лесного кодекса РФ. Ликвидировано первичное и самое важное звено в системе лесоводства — лесная охрана. Судорожные попытки властей восстановить разрушенные элементы веками действовавшей и едва ли не лучшей в мире системы ведения лесного хозяйства в рамках действующего законодательства непродуктивны.

По мнению профессора, ударом по лесному хозяйству стала также децентрализация управления лесным хозяйством. Уже ясно, что субъекты Федерации в рамках того же Лесного кодекса не способны решать большинство вопросов. И это особенно отразилось на способности тушить пожары.

Не оправдались надежды и на арендаторов участков лесного фонда. Не оказалось у них ни средств, ни возможностей и, главное, желания вступать в борьбу с огнем, неся при этом финансовые и материальные затраты. Погибший от пожара лес проще списать, дешевле купить.

В этих условиях не упускает своего и теневой бизнес: в дыму пожарищ, как в мутной воде, легче ухватить прибыль. Как бы то ни было, это подтверждают последние события в крае, когда на борьбу с огнем не только брошены все имеющиеся в регионе и у соседей резервы, но и привлечена военная авиация. Но даже это не помогло переломить ситуацию.

Действительно, трудно отделаться от мысли, что на самом верху не знают, куда приспособить такое, с позволения сказать, беспокойное хозяйство, как лесной комплекс. Ни аграрному министерству он не стал нужен, ни Минприроды РФ, которому с нефтью и газом проблем хватает. А придать лесному хозяйству статус отдельного министерства — значит признать ошибки в руководстве. Но власть на это никогда ни пойдет, лучше уж пусть все горит огнем. Для народа с экрана телевизора можно погрозить чиновникам пальцем и на этом успокоиться.

Сейчас пожары пытаются тушить ассигнациями, тем более что система оплаты построена на заинтересованности руководителей и рядовых исполнителей на местах в количестве и размерах пожаров. Лес горит — деньги будут. Дыма нет — и «гроша нема». Даже в самой тактике тушения крупных лесных пожаров мы оказались отброшенными на десятилетия назад. Например, под видом борьбы с терроризмом не применяются такие эффективные и проверенные методы локализации очагов огня, как использование взрывчатых веществ. А лопатой и пилой быстро создать противопожарную полосу не получается. Но самое главное — у руководства отрасли упорно нет желания вместо затратной и неэффективной концепции пожаротушения взять на вооружение стратегию пожароуправления, сетует Цветков.

Огонь — часть природы

Да, пожар в хозяйственно-освоенной зоне тайги, угрожающий населенным пунктам, производственным объектам и коммуникациям, — бедствие, с которым следует быстро и решительно бороться. В то же время необходимо понимать, что пожары всегда были составной частью существования и эволюции лесов, а не нарушающим фактором. В лесобиологическом характере заключается их позитивная роль. Лесные пожары способствуют естественному возобновлению древесных пород, особенно хвойных, сосны и лиственницы. Они омолаживают леса, делают их более устойчивыми к природным катаклизмам. Короче говоря, пожары — часть природы и, как правило, порождаются ею, например, сухими грозам.

— Другое дело — уметь оценить ситуацию, при которой последствия пожаров могут носить позитивный характер, и условия, когда пожары могут принести непоправимый вред. И эти вопросы прорабатываются в нашей лаборатории, — продолжает Петр Алексеевич. — Ничто не мешает в режиме реального времени наблюдать за развернутой картиной из мозаики лесных пожаров и на основе программного обеспечения прогнозировать развитие каждого из них, выбирать соответствующие методы реагирования.

Концепция пожароуправления предполагает выделение уровней охраны лесов в разных растительных зонах и лесных районах. При этом главным направлением остается планомерное повышение пожароустойчивости лесов с использованием профилактических контролируемых выжиганий лесных горючих материалов. Но это нужно узаконить на отраслевом уровне. Необходима также система прогноза поведения пожаров с использованием карт растительных горючих материалов. Наконец, следует оптимизировать соотношение затрат на профилактику и тушение пожаров в пользу

профилактики.

Эти предложения не новость и не открытия, завершает наш разговор ученый. Просто натываются они на стену или непонимания, а возможно, и нежелания решать действительно горячую проблему. При этом ученых-специалистов в области лесной пирологии не слышат. Видимо, потому, что у нас на всю страну их меньше, чем, например, в одном американском штате Монтана, где в Мисульской лесопожарной лаборатории коллектив насчитывает около 60 человек. А затраты на охрану лесов в США в разы больше, нежели выделяет на эти же цели наше родное правительство.

Геннадий МИРОНОВ

У нас даже не нашлось нужных средств для поддержки единственного в России

прикладного института пожарной охраны лесов, дислоцированного в Красноярске. Рано или поздно дым от лесных пожаров развеется, а проблемы останутся, и решать их нужно уже сейчас.